

Глядя на этот немигающий взор, в глубине которого словно мерцала бескрайняя звездная бездна, Шэнь Гумин почувствовал, как постепенно разжимаются его крепко стиснутые кулаки.

Он с детства рос в строгой, регламентированной обстановке. Привык держаться сдержанно и вежливо, но страдал от легкой брезгливости и на дух не переносил чужих прикосновений. Будь то личные слуги или даже близкий его сердцу Юйянь-цзюнь — любая попытка погладить его по волосам или коснуться лица вызвала у юноши острое неприятие, переходящее в физическую дурноту. Не будь он связан строгим домашним воспитанием, он в девяти случаях из десяти в ярости оттолкнул бы чужую руку, а потом тер бы собственную кожу до крови, пытаясь избавиться от ощущения грязи.

Но сейчас перед ним стоял Лян Сюань — человек, которого он всем сердцем, даже во сне, мечтал назвать своим наставником. О том, чтобы ударить его или хотя бы оттолкнуть, не могло быть и речи. К тому же это вкрадчивое «Маленький бессмертный господин», произнесенное с такой нежностью, что сладость проникала до самых костей, окончательно лишило Шэнь Гумина воли...

«Я ведь так за тебя волнуюсь, а ты... ты умудряешься меня утешать».

Прошло время, за которое успела бы догореть половина благовонной палочки, но Лян Сюань так и не смог прочесть во взгляде Шэнь Гумина ни одной эмоции. Он уже собирался отнять руку и придумать какой-нибудь другой способ подразнить юношу, как вдруг тот мертвой хваткой вцепился в его запястье. Шэнь Гумин неотрывно смотрел на его ладонь и явно не собирался ее отпускать.

Этой руки недавно касалась какая-то мерзость.

«Кожа такая белая, пальцы такие изящные... Как бы они выглядели, если бы их связать?»

Ответ напрашивался сам собой: невероятно соблазнительно.

— Маленький бессмертный господин, уж не закрались ли в твою голову какие-то странные мысли насчет моей руки? — Лян Сюань усмехнулся. — Если она тебе так нравится, я могу отсечь ее и...

Договорить он не успел. Шэнь Гумин внезапно опустил голову и изо всей силы вонзил зубы прямо в его ладонь. Лян Сюань оцепенел на добрых три секунды, после чего округлил глаза и, точно от удара током, вскрикнул:

— Ты... Я же сказал ударить, а не кусаться! С-сы... Больно!

Услышав этот возглас, Шэнь Гумин лишь потемнел взором. Он мимолетно и дразняще лизнул горячую кожу ладони, заставив Лян Сюаня ощутимо вздрогнуть. Поймав эту мимолетную

дрожь, юноша удовлетворенно разжал зубы, отвернулся и мгновенно вернул себе прежний благородный и невозмутимый вид.

Лян Сюань перевел взгляд со спокойного лица юноши на собственную ладонь, украшенную отчетливым багровым полукружьем зубов. Ошеломление быстро сменилось усталым вздохом, и он покачал головой:

— А ты, как я погляжу, тот еще хитрец. Прикидываешься невинной овечкой, а внутри — чернота беспросветная. Пользуешься тем, что у меня хорошее настроение и я не хочу злиться, да? Какая дерзость! И после этого ты еще надеешься назвать меня учителем?

Шэнь Гумин посмотрел на Лян Сюаня. Стоило ему вспомнить, в какое замешательство он только что привел это вечно невозмутимое лицо, как в его глазах заплескались веселые искры, и сдерживать улыбку стало почти невозможно.

Он прикоснулся пальцами к собственным губам, подождал мгновение и безжалостно заметил:

— Вы все равно мне отказали.

Лян Сюань даже слушать его не стал, лишь коротко сплюнул:

— Ну и чудовище!

Шэнь Гумин лишь промолчал в ответ.

Оставив позади Башню Древнего зеркала, они направили повозку мимо Ручья пришедшей луны, что в городе Бэйян. Повешенные высоко в небе разноцветные стеклянные фонари сияли прежней роскошью, а с наступлением темноты рассыпались мириадами ярких искр, приковывая к себе взгляды.

Шэнь Гумин сидел внутри экипажа. Чуть приподняв занавеску, он задумчиво разглядывал проплывающие мимо пейзажи. События полумесячной давности, разыгравшиеся на этом самом месте, до сих пор стояли у него перед глазами.

Тогда он еще понятия не имел, что Лян Сюань — это и есть великий Вэйцы-цзюнь. Первым его впечатлением было искреннее недоумение: этот человек казался ему невыносимо раздражающим. Но теперь, оглядываясь назад, он понимал, что на самом деле этот странный заклинатель ни разу не вызвал в нем настоящего отторжения. Более того...

Резкий толчок заставил Шэнь Гумина вынырнуть из раздумий. Повозка затормозила так резко, что он едва удержался на месте, успев ухватиться за стенку. Нахмурившись, юноша встревоженно спросил:

— Что случилось? На нас напали?!

Он поспешно откинул полог, чтобы проверить, все ли в порядке с Лян Сюанем, но обнаружил, что мужчина в белом преспокойно сидит на козлах. Обернувшись, тот невинно захлопал ресницами:

— А? Да нет, всё тихо.

Шэнь Гумину не хватало слов от возмущения:

—... Ты можешь править повозкой нормально?

— Не-а, никак не могу, — беспечно отозвался Лян Сюань.

Шэнь Гумин промолчал, мысленно приказав себе терпеть.

Заметив, как у юноши едва заметно дернулась щека, Лян Сюань тихо рассмеялся и придержал лошадей возле лавки готового платья.

Когда Шэнь Гумин спросил, куда они направляются, тот ответил, что в лавку. На вопрос, в какую именно, пояснил: в одежду. А когда юноша поинтересовался целью визита, Лян Сюань просто отрезал: купить одежду.

На любой вопрос Шэнь Гумина Лян Сюань послушно давал ответы, без тени раздражения. Видимо, на душе у него действительно было непривычно легко.

Хозяйка лавки, едва завидев вошедшего Лян Сюаня, так и замерла, разглядывая его с ног до головы. За все свои тридцать с лишним лет она не встречала столь ослепительно красивого мужчины, да и сопровождавший его юный господин был чудо как хорош собой.

— Братя? — любопытствовала женщина.

— Отец и сын, — не моргнув глазом соврал Лян Сюань.

Шэнь Гумин, давно привыкший к выходкам этого негодяя, даже спорить не стал — просто смирился со своей участью.

Лян Сюань вместе с хозяйкой поднялся на второй этаж выбирать обновки, а Шэнь Гумин остался ждать внизу. От нечего делать он принялся разглядывать развешанные по стенам наряды. Крой казался сносным, но качество ткани выдавало дешевизну — столь грубое сукно не могло привлечь взыскательный взгляд молодого господина, с пеленок привыкшего к

роскоши и шелкам.

«Зачем старшему вдруг понадобилась новая одежда? — недоумевал юноша. — Местные ткани и в подметки не годятся тому, что на нем сейчас. Уж лучше бы поехал со мной в мое поместье — там бы для него нашлись и тончайшая парча, и морозный шелк, всё что душе угодно».

Шэнь Гумин мысленно прикинул образ Лян Сюаня. На его взгляд, широкие струящиеся рукава подошли бы старшему куда больше узких дорожных обшлагов — так он выглядел бы истинным небожителем. Впрочем, с таким лицом Лян Сюань будет прекрасен даже в лохмотьях.

Пока юноша предавался своим размышлениям, со второго этажа послышались шаги. Он обернулся и замер: по лестнице спускался Лян Сюань, заложив руки за спину. Одного мимолетного взгляда хватило, чтобы в глаза бросилось яростное, алое пламя нового одеяния. Шэнь Гумин не успел моргнуть, как этот огонь охватил всё его существо.

Лян Сюань предстал перед ним в алом халате тончайшей работы. Подол и манжеты были украшены искусной золотой вышивкой, которая в лучах света мерцала и переливалась подобно текучей воде. Огненный шелк выгодно оттенял его безупречную белую кожу, делая ее похожей на свежесвыпавший снег, а благородные черты лица приобрели чарующую, почти колдовскую прелесть. Он смотрел с мягкой усмешкой прищуренными фениксовыми глазами. Оторвать от него взгляд было невозможно.

Лян Сюань встряхнул рукавами и с улыбкой спросил:

— Ну как, Маленький бессмертный господин, хорош?

— Ох, да не то слово! — восторженно вмешалась хозяйка лавки. — Это же гордость нашего заведения! Работа тончайшая, мы несколько лет душу вкладывали, чтобы сшить такую красоту.

Шэнь Гумин смотрел на него как замороженный, мысли его спутались, а слова хозяйки пролетели мимо ушей. Лишь когда Лян Сюань бесцеремонно вытащил из его кошелька духовный камень и пошел расплачиваться, юноша наконец пришел в себя. Отводя взгляд, он чувствовал себя так, словно лишился души.

«Странно... — пронеслось в его голове. — Почему мне кажется, будто я уже видел его таким?»

Когда они снова тронулись в путь, Шэнь Гумин не выдержал и спросил:

— Зачем вам понадобился этот наряд? К тому же он выглядит так, словно...

Лян Сюань искоса взглянул на него и с усмешкой закончил фразу за юношу:

— Словно я собрался под венец, верно?

— Да... — Шэнь Гумин кивнул, а затем, поддавшись какому-то нелепому импульсу, выпалил: — И кто же невеста? С кем это вы собрались сыграть свадьбу?

Лян Сюань покачал головой и, легонько щелкнув юношу по носу, рассмеялся:

— Что за глупости ты несешь? Я просто собираюсь навестить одного старого знакомого, которого не видел целую вечность. Разумеется, перед такой встречей нужно выглядеть достойно.

Шэнь Гумин нахмурился и после долгого молчания упрямо повторил:

— И все-таки вы точно собрались жениться.

Если бы дело ограничивалось простой дружеской встречей, никто бы не вырядился в праздничное алое одеяние. Шэнь Гумин был уверен: старший что-то от него скрывает!

Лян Сюань попытался отвязаться парой общих фраз, но юноша не поверил ни единому слову и продолжил расспросы. В конце концов терпение Лян Сюаня лопнуло. Устав от настойчивого допроса, он резко стегнул лошадей, заставив повозку сорваться на быстрый бег, и бросил через плечо:

— Ой, да ну тебя, ничего я тебе объяснять не буду! Лучше поспи. Ты ведь наверняка устал? Давай, ложись спать. Мужчинам вредно бодрствовать по ночам — от недосыпа и яйца облысеть могут. Как приедем, я тебя разбужу.

Шэнь Гумин лишился дара речи.

«Что за бред ты несешь?! Сам-то постоянно бродишь по ночам как лунатик, и что-то я не замечал, чтобы ты сокрушался о потере волос в интимных местах!»

Остаток пути прошел без приключений. Вернувшись в Долину радостных кошмаров, Лян Сюань сразу же поспешил вернуть свое разделенное сознание в тело. Он сдвинул крышку гроба и опустился на собственную плоть.

Белая тень — хотя нет, теперь уже красная — скользнула вниз и растаяла. Настоящий Лян Сюань в то же мгновение сменил белые одежды на багряные. Стоило ему приподняться в гробу, как он судорожно зажал рот рукой, содрогаясь от приступа кашля.

Ладно бы он просто поперхнулся, но этот кашель казался предсмертным хрипом. На фоне яркого алого шелка его лицо выглядело бледнее, чем у любого призрака.

У Шэнь Гумина болезненно сжалось сердце. Он упал на одно колено у края гроба и принялся бережно похлопывать мужчину по спине. Лицо его выражало такое отчаяние, словно он вот-вот расплачется:

— Я же говорил, что ранение разделенного сознания бесследно не проходит! А ты твердил, что всё в порядке... Ты...

Тан Тянь захлопал крыльями и тоненько заверещал:

— Матушка! Тянь-эр поможет тебе!

— Не надо... У меня еще дела... Кхм, кхм... Не суетитесь... — прерывисто выдохнул Лян Сюань.

Каждый его кашель отдавался в груди юноши глухой болью. Наконец Шэнь Гумин не выдержал и в ярости воскликнул:

— Да какие еще дела могут быть важнее твоего собственного здоровья?! Скажи, что нужно сделать, и я сам со всем разберусь!

— Не глупи... — начал было Лян Сюань, но Шэнь Гумин мертвой хваткой вцепился в его запястье. Юноша яростно взглянул и заставил Лян Сюаня посмотреть себе прямо в лицо.

— Я не глуплю! А ну лежи и не двигайся! — приказал он.

Лян Сюань опешил.

«Ладно, лежать так лежать, но орать-то на меня зачем?!»

Хоть Маленький бессмертный господин и отличался гордостью, обычно он уступал во всем. Даже если Лян Сюань изводил его нещадно, юноша в худшем случае корчил недовольную мину да ворчал себе под нос, но никогда прежде не повышал голос до такого крика.

— Тебе больно? — спросил Шэнь Гумин.

— А... — неопределенно промычал Лян Сюань.

Юноша нахмурился еще сильнее:

— Что еще за «а»? Я с тобой серьезно разговариваю! Отвечай: тебе больно? Где именно? Насколько всё плохо?!

Лян Сюань мысленно присвистнул:

«Ого, да он в ярости».

Шэнь Гумин в раздражении взмахнул рукой:

— Ладно, толку-то... Даже если ты скажешь, я все равно не смогу унять твою боль. Сиди смирно и позволь Тан Тянь подлечить тебя. Займешься своими делами, когда полностью поправишься.

— Но это срочно, — упрямо возразил Лян Сюань.

— Я сделаю это вместо тебя.

— Не сможешь. Это дело я должен уладить лично. К тому же я иду к старому другу, которого ты даже не зна...

— Значит, подождешь, пока не затянутся раны! — отрезал Шэнь Гумин, не дав ему договорить.

Лян Сюань шмыгнул носом и замолчал. Ладно уж, день-другой погоды не сделают. Кто же знал, что этот парень в гневе бывает настолько устрашающим?

Лян Сюань крайне редко выказывал слабость, и когда Шэнь Гумин увидел его опущенные ресницы и поджатые губы, его собственный гнев мгновенно улетучился, уступив место раскаянию.

«Кажется, я перегнул палку... Вдруг старший теперь наотрез откажется брать меня в ученики?»

Тан Тянь выразительно посмотрел на него, словно пытался сказать: «Да не переживай ты так. Даже если бы ты вел себя смирно, матушка всё равно не взял бы тебя в ученики. В конце концов, папенька есть папенька».

Цинсяо-цзун • Пик Сюэмэй

К вечеру небо окрасилось в глубокий чернильный цвет. Пик Сюэмэй полностью оправдывал

свое название: даже в эту морозную, занесенную снегом ночь воздух был напоен густым, сладким ароматом цветущей сливы.

Снег валил хлопьями. Посреди заснеженного двора, выпрямившись подобно одинокому зеленому бамбуку, стоял мужчина в бирюзовых одеждах. Его длинные черные волосы струились по спине, а весь его облик дышал мягкостью и благородством нефрита. Над его бровью темнела едва заметная родинка. Это был Сиу-цзюнь, Цюй Цинъюэ.

Он в одиночестве ждал перед покоями почтенного Хуачэня, Пэй Таньцзы. Позади него тянулась цепочка свежих следов, которые быстро заметало пушистым снегом. Цюй Цинъюэ простоял здесь так долго, что его ноги начали неметь от холода. Наконец тяжелые двери распахнулись, и на пороге показались две фигуры.

— Омитофо, — произнес монах Тай Сюй, сложив ладони перед грудью. — Бедный монах поведал всё без утайки и более не смеет тревожить почтенного Хуачэня.

Пэй Таньцзы вежливо кивнул, его лицо оставалось абсолютно бесстрастным:

— Счастливого пути.

Проводив взглядом уходящего монаха, Цюй Цинъюэ повернулся к Пэй Таньцзы. На челе его наставника залегла мрачная тень — было очевидно, что услышанное привело его в крайнее негодование.

Тщательно подбирая слова, Цюй Цинъюэ негромко произнес:

— Шицзу, Вэйцы...

Прошел целый век, но Синьмо Вэйцы так и не был изгнан — напротив, он пустил глубокие корни в его душе. Пока об этом никто не знал, беды удавалось избегать, но судя по тому, что Тай Сюй увидел в Тайном царстве Линъюань, тайна падения Вэйцы была раскрыта.

И хотя глава Юань, Юань Цяньчао, приложил все усилия, чтобы замаять случившееся, шило в мешке не утаишь — рано или поздно весь мир заклинателей узнает, что Вэйцы-цзюнь сошел с праведного пути. Когда это случится, великие ордена непременно поднимут бурю, пытаясь выяснить, как и почему величайший праведник обратился к тьме.

Тай Сюй в мельчайших подробностях изложил Пэй Таньцзы всё, что произошло в тайном царстве. Цюй Цинъюэ всерьез опасался, что наставник обрушит свой гнев на провинившегося младшего брата, однако Пэй Таньцзы лишь ледяным тоном произнес:

— Мало того, что в эти дни непрестанно валит снег и на улице стоит жуткая стужа, так еще и от одного вида этого лысого темени мне становится тошно. И он смеет прямо мне в лицо

порочить моего драгоценного ученика! У меня от его речей сердце так замерзло, что хочется пойти и стереть этот Храм Десяти тысяч Будд с лица земли.

Цюй Цинъюэ лишился дара речи.

Пэй Таньцзы продолжал бушевать:

— Твердят на каждом углу, будто в их храме полно великих праведников, а у этого монаха жажда крови на лице написана! Напрочь забыл о заповедях Будды. Коли сам грешен, то не ему судить Вэйцы. С какой стати он явился сюда со своими жалобами? Каждое слово — яд в адрес моего ученика. Не будь за его спиной авторитета Храма Десяти тысяч Будд, я бы поступил с ним так же, как с Юань Цяньчао!

Цюй Цинъюэ мысленно вздохнул.

«Что ж, я совсем позабыл, что мой учитель — неисправимый защитник своего младшего ученика. Это у него в крови, и спорить бесполезно. Слишком уж он опекает Лян Сюаня».

Пэй Таньцзы, всё еще не остыв от гнева, повернулся к нему:

— Так о чем ты хотел поговорить?

Изначально Цюй Цинъюэ намеревался замолвить словечко за Лян Сюаня, чтобы смягчить гнев наставника, но теперь понял, что его тревоги были напрасными. Он решил опустить прелюдию и сразу перейти к сути:

— Учитель, на этот раз Вэйцы сумел заполучить Жетон собирания душ в Тайном царстве Линъюань. Я боюсь, что он собирается вернуть к жизни Син И. Как нам быть?

При упоминании этого имени во взгляде Пэй Таньцзы на мгновение промелькнула ледяная ярость, но тут же угасла. Он мягко взмахнул мухоголкой-фучэнем и повернулся спиной. Окутанный белыми одеждами, с серебряными волосами, он казался сошедшим с небес бессмертным.

Произнеся имя Син И по слогам, он негромко, но твердо произнес:

— Вэйцы не сможет вернуть его.

Цюй Цинъюэ промолчал.

Пэй Таньцзы спросил:

— Сколько наших учеников погибло от рук демонических заклинателей в этот раз?

— Шестеро, — ответил Цюй Цинъюэ. — Нам пока не удалось установить личности убийц.

— И не нужно ничего гадать. Достаточно того, что за этим стоят слуги тьмы, — холодно отозвался Пэй Таньцзы. — Через три дня разошлись приглашения главам великих сект. Объяви, что через неделю Цинсяо-цзун устраивает великий совет, дабы обсудить, как противостоять секте Сюаньюй.

Цюй Цинъюэ почтительно склонил голову:

— Слушаюсь.

Когда Цюй Цинъюэ уже собирался уходить, Пэй Таньцзы окликнул его.

Обернувшись, он увидел, что почтенный Хуачэнь стоит под сливовым деревом. Пэй Таньцзы с безразличным видом сорвал покрытую инеем ветку сливы и поднес ее к лицу, вдыхая тонкий аромат. Его глаза оставались темными и непроницаемыми.

— Не забудь отправить приглашение в Долину радостных кошмаров, — добавил он. — Вэйцы обязан явиться на этот совет.

Долина радостных кошмаров

— Школа Цинсяо устраивает пиршество? — Лян Сюань сидел по-турецки прямо на крышке гроба, вертя в руках роскошное приглашение. — Но какое отношение это имеет ко мне, Хозяину Долины Бавана?

Шэнь Гумин, как раз со всей возможной благопристойностью отпивавший воду из пиалы, при звуках этого нелепого титула поперхнулся и брызнул водой, заходясь в кашле:

— Какое-какое название?!

Лян Сюань широко улыбнулся:

— Долина Бавана! Я сам переименовал. Что хорошего в прежнем названии? «Долина радостных кошмаров» — тьфу, язык сломаешь. А новое имя звучит грозно и величественно!

Шэнь Гумину нечего было на это возразить.

«Что ж, лишь бы тебе нравилось», — подумал он.

Тан Тянь, сидевший на плече у юноши, вытянул шею и спросил:

— Матушка, так ты поедешь?

Лян Сюань небрежно швырнул свиток прямо в пустой гроб, спрыгнул на землю и подбоченился:

— С какой стати? Денег мне за это никто не заплатит. У меня дел по горло, некогда мне тратить время на их глупые игры.

После этого он повернулся к наблюдавшему за ним юноше и примирительно произнес:

— Маленький бессмертный господин, послушай. Прошло уже два дня, мои раны почти затянулись. Теперь-то я могу отправиться по своим делам?

Шэнь Гумин молча смотрел на него. Он никак не мог понять, ради какого такого важного дела Лян Сюань готов проявлять несвойственное ему терпение и даже ласку.

«Старый друг... Кто же он? Близкий человек? Родственник? Возлюбленный? Но зачем выражаться в алый наряд, чтобы просто увидеться с кем-то?»

От этих мыслей на душе у юноши становилось всё более скверно. Он подобрал с земли прутик и принялся раздраженно ковырять им сырую землю:

— Вам незачем спрашивать моего позволения.

На лице юноши было крупными буквами написано слово «досада». Лян Сюань мысленно усмехнулся: «Похоже, наш главный герой всё еще дует. Правду писали в романе — характер у этого малого на редкость упрямый». Он протянул руку, ласково взъерошил волосы Шэнь Гумина и мягко произнес:

— Ну как же я могу не спросить? Если я уйду молча, ты ведь непременно на меня обидишься.

Шэнь Гумин поднял на него серьезный взгляд:

— Я никогда не стану злиться на тебя. Никогда в жизни.

Рука Лян Сюаня на мгновение замерла. Эти слова всколыхнули в его памяти воспоминание о Син И — тот когда-то говорил ему точь-в-точь то же самое. Лян Сюань горько усмехнулся

собственной сентиментальности.

— Хорошо, хорошо, верю. Раз так, я пошел. Сиди здесь тихо и никуда не уходи. Если тебя сожрет какая-нибудь местная тварь, я спасти не стану.

Шэнь Гумин ничего не ответил, продолжая упрямо ковырять землю прутиком. Проводив его взглядом, Лян Сюань усмехнулся и уверенным шагом направился к выходу из долины.

Когда алая фигура, бывшая ярче осеннего клена, скрылась из виду, Шэнь Гумин слегка ткнул Тан Тянь пальцем в мягкий животик.

На его губах заиграла едва заметная улыбка, и он прошептал:

— Малышка, папочке нужна твоя помощь.

Граница между городом Бэйян и Долиной радостных кошмаров

На стыке земель Бэйяна и обители демонов лежала старая, заброшенная переправа. Мост прятался в самой чаще дремучего леса, где листва была столь густой, что казалась почти черной, отчего заметить его со стороны было практически невозможно.

Издалека мост выглядел вполне обычно, однако при ближайшем рассмотрении открывалась жуткая картина: под деревянным настилом бурлила вовсе не речная вода, а вязкая, зловонная река крови. В мутных багровых волнах покачивались обрубки человеческих тел — расколотые черепа, обезображенные торсы, оторванные конечности и внутренности. Среди этого кошмара нельзя было отыскать ни единого целого трупа. Очевидно, несчетное множество несчастных пыталось перейти на тот берег, но все они нашли здесь мучительную смерть, разорванные на куски.

Лян Сюань стоял у самого края моста, заложив руки за спину. Под сенью густых ресниц он смотрел сонно и отрешенно.

Внезапно из бурлящих глубин кровавой реки донесся тихий, едва различимый всплеск. В следующее мгновение прямо из багровой пены со свистом вырвался огромный коготь, сотканный из сгустков крови, и устремился прямо к лицу мужчины.

Удар был молниеносным, точно сполох грозы, — обычный заклинатель не успел бы даже вскрикнуть. Однако Лян Сюань, словно предвидя это нападение, ленивым движением уклонился вправо. Кровавые когти пронеслись в волоске от его шеи. В ту же секунду с металлическим звоном из ножен вырвался Цанлань. Ослепительная вспышка рассклала полумрак, разрубив порождение бездны пополам, и багряные брызги бессильно опали обратно

в реку.

— Что за презренная тварь осмелилась нарушить покой этого места?! — раздался жуткий детский голосок. Первая половина фразы эхом донеслась откуда-то издалека, а последние слова прозвучали прямо над ухом заклинателя, заставив бы любого похолодеть от ужаса.

Лян Сюань преспокойно убрал меч в ножны и бросил в пустоту:

— Твой батюшка пришел, а ты до сих пор не бьешь челом и не спешишь на коленях встречать родителя.

В воздухе повисла звенящая тишина.

Этот невыносимо дерзкий голос невозможно было ни с чем перепутать.

Спустя долгое мгновение из кровавого водоворота вырвался клуб плотного черного тумана. Едва коснувшись берега, сущность попыталась юркнуть в чащу леса, но Лян Сюань мгновенно переменил жест пальцев. Невидимая сила сковала темную энергию, увлекая ее назад и заставляя принять истинный облик прямо в руках мужчины.

Пленником оказался маленький призрак, выглядевший от силы лет на шесть. Пухлые щеки, вздернутый носик, упрямые кудряшки, стянутые в забавный хвостик, и широко распахнутые кошачьи глаза. Но стоило ему приоткрыть рот, как обнажился частокол острых, как иглы, зубов, от одного вида которых по коже пробежал мороз.

Маленький бес забился в руках заклинателя, извиваясь всем телом, а затем он повернул шею под совершенно неестественным углом, так что голова оказалась развернута назад. Стоило ему разглядеть безупречное лицо Лян Сюаня, как он заверещал, точно укушенный бешеной собакой:

— Твою мать! Пусти меня! Лян Ланьин, ты, лживая тварь! Проклятый обманщик!

Его звонкий детский голосок никак не вязался со зловещим обликом. Лян Сюань лениво протянул:

— Ну Ланьин так Ланьин, зови как хочешь. Но с чего это вдруг я стал обманщиком?

Призрак так разозлился, что его личико исказилось в яростной гримасе:

— А кто же ты тогда?! Обещал за десять лет вернуть меня в Мир призраков, а я проторчал здесь целый век! И только сейчас ты изволил вспомнить обо мне?! Лжец! Мерзавец! Лучше бы вообще не появлялся! Зачем приперся? Проваливай! Видеть тебя не желаю!

Лян Сюань одной рукой удерживал брыкающегося беса, а другой неторопливо ковырял в ухе, с улыбкой наблюдая, как тот безуспешно пытается дотянуться до него своими короткими ножками.

— Ладно-ладно, не шуми, — примирительно пробормотал он и, запустив руку за пазуху, извлек Жетон собирания душ. Покрутив им перед самым носом призрака, он добавил: — Ну вот, обещанного ждут долго, зато теперь твой любящий папенька готов забрать тебя домой. Так что давай, показывай дорогу.

А Ю вытаращился на артефакт. Он никак не ожидал, что Лян Ланьин окажется столь покладистым — обычно за подобные ругательства тот без долгих раздумий проламывал ему череп. Смерив заклинателя подозрительным взглядом, А Ю проворчал:

— Забрать домой, как же... Спорим, у тебя на уме очередная безумная авантюра, а про меня ты вспомнил просто мимоходом?

Лян Сюань лишь неопределенно хмыкнул. Спустя минуту молчания он обронил совершенно невпопад:

— Кажется, сегодня мне предстоит связаться в дело, от которого я вполне могу протянуть ноги.

—... Сумасшедший, — проскрежетал зубами А Ю. — И зачем тебе сдалось воскрешать этого паршивца из рода Син? Умер и умер, земля ему стекловатой. Даже если ты вернешь его, праведные ордена тут же устроят на него охоту. К тому же для этого нужно, чтобы в Мире призраков уцелела хоть крупинка его души. А ты ведь помнишь, что случилось тогда: стоило активироваться Массиву уничтожения демонов, как ни одна тварь не уцелела. Что если от него вообще ничего не осталось?

— Закрой рот, — ледяной тон Лян Сюаня заставил А Ю осечься. Он на мгновение яростно сверкнул глазами. — Никаких «если». Но даже если так случится, я не побрезгую перенести весь ваш мир заклинателей прямиком в преисподнюю. Надеюсь, тебе здесь не покажется скучно.

А Ю замер.

«Этот безумец... Он действительно пал во тьму?»

Врата духов находились прямо посреди моста. Янская энергия мира живых была слишком сильна, и открыть их без Жетона собирания душ не представлялось возможным. Что же касается изувеченных трупов в реке — все они принадлежали неосторожным заклинателям, чьими жизнями А Ю поддерживал свое угасающее существование в мире людей.

Стоило им переступить порог Врат духов, как пейзаж почти не переменялся: всё тот же мост, под которым несла свои багровые воды бурлящая река крови. Единственным отличием было то, что привычный день здесь сменился вечной, бездонной ночью.

Воздух казался свинцово-серым, повсюду клубился плотный, холодный туман. Невозможно было разглядеть, что скрывается за этой завесой, но путников не покидало гнетущее ощущение, будто из темноты за ними наблюдают тысячи невидимых глаз.

— Сколько жизней ты унес за этот век? — негромко спросил Лян Сюань.

А Ю, шедший впереди с заложенными за спину руками, точно заправский старец, при этих словах замер. Не разворачивая туловища, он повернул голову назад на полных сто восемьдесят градусов.

Стоявший перед ним Лян Сюань в своем алом одеянии походил на кровавый лотос, распустившийся в самом сердце чистилища. Он казался невероятно прекрасным и в то же время смертоносным. Да, это был всё тот же Лян Ланьин, но от его прежнего безрассудного величия не осталось и следа. Смерть Син И нанесла ему тяжелый удар, но даже она не должна была превратить того жизнерадостного человека в это безжалостное существо. Что же с ним произошло на самом деле?

Помолчав немного, А Ю равнодушно пожал плечами:

— Разве их сочтешь? Если бы я не убивал, моя душа в мире живых давно бы развеялась прахом. Мне приходилось забирать их жизни, чтобы поддерживать свою.

Сплюнув, он раздраженно добавил:

— И вообще, к чему эти расспросы? Только не вздумай читать мне нотации о том, что убивать нехорошо, а те люди были ни в чем не повинны. Я сыт этим по горло. Да и когда это я тебя слушал? К тому же в том, что моя душа едва не погибла на чужбине, виноват исключительно ты сам!

Лян Сюань посмотрел на затылок А Ю с жалостью, какую обычно испытывают к неразумным младенцам:

— Глупый мой сынок, ты слишком много на себя берешь. Я всего лишь твой батюшка, а вовсе не святой отец, чтобы проповедовать добродетель.

— Хоть ты и бессердечная скотина, но до такой подлости не опустишься... — проворчал бес, но тут же осекся: — Стоп, как ты меня назвал?! Да я старше тебя на добрую тысячу лет, а ты смеешь звать меня сыном?! А ну смени обращение!

— Хорошо, как угодно, — покладисто согласился Лян Сюань. — Внучок, ты, похоже, давно не получал затрещин.

— Ах ты, сопляк малолетний!

По пути им то и дело встречались мелкие призраки, перед которыми А Ю держался весьма напыщенно, демонстрируя свой авторитет. Заметив бегущего навстречу лысого бесенка, который высоко задирает руки, он грозно прикрикнул:

— А ну стоять! Куда несешься?

Бесенок испуганно уставился сначала на него, а затем перевел взгляд на Лян Сюаня и восторженно взвизгнул:

— Первый красавец в Поднебесной!

Лян Сюань сперва опешил от неожиданности, но затем самодовольно усмехнулся: «А ведь не соврал, я действительно писанный красавец. Неужели моя слава достигла глубин преисподней?»

Но в следующее мгновение лысый бесенок с безумным хохотом схватил себя за макушку и откинул верхнюю часть собственного черепа, точно крышку шкатулки:

— Гляди, гляди! Пусто! Совсем пусто! Ха-ха-ха!

Проходивший мимо длинноязыкий бес окинул эту сцену скучающим взглядом. Он высунул свой длинный, шершавый язык, сделал быстрое загребающее движение в воздухе над открытым черепом соседа и с самым невозмутимым видом двинулся дальше. Но не успел он сделать и пары шагов, как вдруг подпрыгнул на месте и истошно завопил:

— Клубничный! Это же вкус клубничного ума, у-у-ух!

А Ю лишь закатил глаза.

«Ну и идиоты».

— У вас тут все мертвецы такие прибабахнутые? Клубничные мозги, надо же... — прыснул Лян Сюань. — Может, как-нибудь угостишь меня своими?

— Пошел ты, — буркнул А Ю. Он не был дома целый век, и теперь искренне недоумевал, откуда в преисподней развелось столько сумасшедших. Потерев виски, он проворчал: — Сплошное

непотребство и позор.

Мир призраков отражал мир живых, и здесь тоже существовала своя Цинсяо-цзун. Вот только в этой призрачной обители не было ни стражей, ни учеников, ни великих старейшин — мертвые, безмолвные чертоги больше походили на заброшенное кладбище.

Пик Чанлэ когда-то служил пристанищем для Вэйцы-цзюня. Увидев, что бес ведет его именно туда, Лян Сюань нахмурился и потребовал объяснений.

— Твой непутевый ученик Син И вырос здесь, — пояснил А Ю. — Самые яркие его воспоминания связаны с этими местами. Если в Мире призраков и уцелела хоть нить его души, она обязательно притянется туда, к чему он был привязан больше всего. Попробуй задействовать Жетон собирания душ здесь.

Вилла Орхидеяного павильона встретила их тишиной. Ночной ветер доносил сквозь распахнутые окна едва уловимый аромат диких орхидей. Письменный стол из драгоценного палисандра, резная шахматная доска, старинные свитки, изящные подставки для кистей и каменные чернильницы — всё лежало на своих местах, а тонкий запах сандала смешивался с ароматом цветов. В этой идеальной чистоте Лян Сюань словно видел собственное отражение.

Ему мучительно не хотелось возвращаться в Цинсяо-цзун, на пик Чанлэ, в эту Виллу Орхидеяного павильона. Слишком многое изменилось, и прежнего тепла здесь больше не было.

«Омитофо...»

«Они все предали меня. У меня больше ничего не осталось... кроме тебя. Пожалуйста, вернись...»

А Ю понимал, что сейчас заклинателю лучше побыть одному, а потому остался ждать снаружи павильона. Теперь всё зависело от того, сумеет ли Лян Сюань призвать душу Син И с помощью артефакта.

Воскрешение мертвых всегда шло вразрез с волей Небес. Но Лян Ланъин упрям сотворен — если он что-то вбил себе в голову, то пойдет до конца, не страшась никакого безумия. Ради этого проклятого мальчишки из рода Син он, не задумываясь, отдаст собственную жизнь.

Вокруг царило безмолвие, нарушаемое лишь тихим шелестом сухой травы от ветра.

От скуки А Ю уселся на каменные ступени. Время шло, но Лян Сюань так и не появлялся. Бес принялся развлекать себя как умел: то выворачивал себе суставы на пальцах, ломая их со щелчком, то вправлял обратно. Занятие было глупым, но помогало скоротать время.

Поддавшись усыпляющей атмосфере этого мертвого места, он не заметил, как провалился в

глубокий сон. Сколько он проспал — неизвестно, но его пробудил резкий запах гари. Сперва дым был едва заметен, но вскоре стал настолько густым, что начал душить его.

А Ю недовольно протер заспанные глаза, собираясь выругаться, но застыл на месте: перед ним бушевало яростное море огня.

Вилла Орхидея павильона полыхала. Стены и крыша скрылись за пеленой алого пламени, превращая изысканную виллу в филиал огненной преисподней.

— Твою же дивизию... — ошеломленно пролепетал А Ю. Опустив взгляд, он внезапно различил сквозь пелену дыма неподвижный алый силуэт, опустившийся на колени прямо перед полыхающим письменным столом. От ужаса у него волосы встали дыбом, и он истошно завопил: — Лян Ланъин! Какого черта ты там сидишь?! Беги!

— Это ты устроил пожар?!

— Совсем с ума сошел?!

— Ты хоть понимаешь, что за умышленный поджог чертогов Мира призраков тебя сотрет в порошок небесная кара?!

Но Лян Сюань не реагировал на его крики. Он сидел, низко опустив голову. Его левая ладонь была изрезана до крови, а Жетон собирания душ, испачканный бурыми каплями, сиротливо валялся в углу.

Хрупкая надежда, вспыхнувшая совсем недавно, в один миг обратилась в прах.

Душу Син И невозможно было вернуть. Ни единой крупинки, ни единого осколка не уцелело в чертогах смерти — она рассеялась бесследно и окончательно. Лян Сюань лишился даже возможности принести себя в жертву ради его спасения.

Одинокая слеза скатилась по его бледной щеке, и вдруг Лян Сюань хрипло, безумно расхохотался. В его смехе сквозила такая смертная тоска, что звук этот казался нечеловеческим. Снова, как и тогда, он оказался лицом к лицу с полным бессилием. Он вновь стоял перед бездной, не в силах спасти того, кто был ему дороже всех на свете. В его груди klokотала лишь всепоглощающая ненависть.

Он одним яростным ударом опрокинул письменный стол. Безумная, хаотичная аура меча, смешанная с чистой жадью убийства, вырвалась наружу, сотрясая стены павильона. Клинок Цанланя запел яростную песню, его звон взмыл к небесам.

Сквозь пелену безумия Лян Сюань уловил едва заметный шорох. Он мгновенно заледенел взглядом. Короткий взмах запястья — и яростный луч духовной энергии сорвался с кончика

меча, с глухим стуком вонзившись в стену.

Тан Тянь, едва увернувшись от удара, растерял от страха несколько золотистых перьев. Не успел он жалобно зачирикать, как Лян Сюань, похожий теперь на безжалостного демона преисподней, грубо сгреб его в кулак.

— Что ты здесь делаешь?! — прорычал он.

Он приблизился к клюву птицы, глядя на него налитыми кровью глазами. В этом безумном, давящем взоре зрела настоящая буря. Тан Тянь затрясся всем телом, его перышки встали дыбом от неопишуемого ужаса. Если бы он не летел за ним всю дорогу сам, то ни за что не поверил бы, что перед ним стоит Лян Сюань.

— Папенька... Папенька велел мне следить за тобой! Он очень за тебя переживал... Маматушка, подожди еще немного, я уже позвал папеньку, он идет сюда!

— Он идет?! Прекрасно! Пусть идет! — Лян Сюань с силой швырнул Цанлань на пол. Каждое его слово сочилось смертоносным ядом, и он закричал во весь голос: — Пусть явится сюда и убьет меня наконец!

<http://bllate.org/book/18178/1751774>